

Сознание словно погрузилось в ледяную воду; в густом тумане всё ещё пульсировала тупая боль от тяжелого удара в живот. Си Юй с трудом разлепил веки, но первым, что предстало его взору, был не привычный потолок комнаты, а резной позолоченный купол. В сплетениях виноградных лоз мерцали крошечные кристаллы, испуская в полумраке холодное, призрачное сияние. Он резко вскинул голову и осознал, что заперт в огромной птичьей клетке. Прутья из черного дерева были отполированы до гладкости, но от них веяло такой безысходностью, что становилось ясно: выбраться не удастся.

Под ним был разостлан мягкий мех белой лисицы, по ощущениям напоминавший его собственные девять пушистых хвостов, но эта мягкость не принесла покоя — напротив, всё тело сковало напряжение. Он пошевелил пальцами и понял, что, хотя конечности не связаны, сил в них почти не осталось: судя по всему, тот удар нанес ему серьезный урон. В воздухе разливался чистый, холодный аромат, напоминавший запах сосновых веток после снегопада — знакомый и в то же время чужой. Си Юй невольно наострил лисьи уши, и их пушистые кончики тревожно задрожали.

— Очнулся?

Холодный голос прозвучал снова, в нём послышалась едва уловимая хрипотца. Си Юй проследил за звуком и увидел, что у стола из грушевого дерева неподалеку сидит Цзинлю. Она уже сменила доспехи Облачных Рыцарей на повседневное одеяние цвета воронова крыла. На воротнике виднелась вышивка в виде инея, отчего кожа женщины казалась ещё бледнее. Но больше всего Си Юя потрясло то, что она сняла черную повязку с глаз. Под ней скрывались не обычные глаза, а пара алых, словно пропитанных кровью драгоценных камней. В них не было явной жажды убийства, но от одного этого взгляда Си Юй почувствовал себя добычей, на которую охотится хищник, и дыхание его перехватило.

Этот взгляд был слишком ярким, слишком тяжелым, словно в нём таились бушующие метели и застарелые, неистребимые навязчивые идеи. Си Юй невольно отпрянул, девять хвостов за его спиной мгновенно распушились, вздыбившись, словно лепестки снежных цветов, выражая крайнюю степень тревоги. Он открыл рот, но из горла не вырвалось ни звука. Он мог лишь смотреть, как Цзинлю медленно поднимается и шаг за шагом приближается к клетке, а в её красных глазах отражаются противоречивые, неразборчивые чувства.

— Чего ты боишься? — Цзинлю остановилась перед клеткой, кончики её пальцев мягко скользнули по черным прутьям, и в этом жесте сквозила пугающая нежность. — Я не причиню тебе вреда. По крайней мере, сейчас.

Её слова шли вразрез с выражением глаз — в алом взгляде читалась одержимость, подобная лианам, что медленно оплетают свою жертву, лишая её воздуха. Си Юй отчаянно замотал головой, его лисьи уши, полные страха, прижались к голове, но он всё же упрямо выпрямился:

— Я правда тебя не знаю... Ты ошиблась человеком.

— Ошиблась? — Цзинлю горько усмехнулась, и в этом смехе было столько самобичевания и

безумия, что у него мороз пробежал по коже. — Разве на свете бывают люди, похожие как две капли воды? Даже изгиб этих девяти хвостов в точности такой же, как у тебя тогда.

Она протянула руку, и её пальцы, едва не коснувшись щеки Си Юя сквозь прутья, замерли. Свет в её алых глазах стал ещё жарче.

— Ты просто забыл. Ничего страшного, я помогу тебе вспомнить.

Си Юй дрожал под её взглядом, плотно прижав девять хвостов к спине; даже самые пушистые кончики хвостов вытянулись в струну. Он смотрел в алые глаза Цзинлю и видел в них своё отражение: растрепанные короткие белые волосы, небесно-голубые глаза, полные ужаса — он выглядел таким хрупким, таким беззащитным. Он вдруг вспомнил, что говорила система о мире, где правят женщины, вспомнил гордые осанки прохожих на улицах, а затем снова посмотрел на женщину, запершую его в клетке, и его сердце наполнилось отчаянием.

— Отпусти меня... — наконец выдавил он, срываясь на плач. — Я не тот, кого ты ищешь. Пожалуйста, отпусти меня, хорошо?

Пальцы Цзинлю застыли в воздухе, жар в её глазах немного угас, сменившись ледяной изморозью.

— Отпустить тебя? Ты забыл, как ушел от меня тогда? Забыл, как обещал всегда оставаться рядом? — Её голос внезапно взлетел, в нём прорвался гнев, подавляемый долгие годы. — А теперь хочешь уйти? Поздно.

С этими словами Цзинлю повернулась и вернулась к столу. Она снова взяла черную повязку, но не надела её, а лишь сжала в руке, не сводя алых глаз с Си Юя. Солнечный свет пробивался сквозь оконную решетку, падая на её бледное лицо, и от этого в её одержимости появилось нечто надломленное. Си Юй, сжавшись в лисьих мехах, смотрел ей в спину. Его хвосты медленно опустились, но всё ещё оставались напряженными — он понимал, что в этот раз ему, скорее всего, уже не сбежать.

<http://bllate.org/book/20757/2081625>